

Настоящий обзор, конечно, можно было бы начать с так называемых «западно-руссистов», неформального общественного объединения конца XIX — начала XX века, но, думаю, тогда доклад превратился бы по размерам в роман. Скажу только, что во все времена на территории современной Республики Беларусь были группы людей, ориентированных на Россию. А если смотреть на эту картину с точки зрения литературы, то можно сказать, что и в Советской Белоруссии, и в Республике Беларусь находилось и находится немало русскоязычных писателей и поэтов, но, скажем так, при общей тенденции к все большей русификации, опубликоваться или вступить в Союз писателей им было, мягко говоря, непросто.

Не претендуя на всеохватность, предлагаю слушателям некоторые примеры того, как решались подобные проблемы в течение последних десятилетий.

1

Первым способом для реализации писательских амбиций русских/русскоязычных авторов Беларуси будем считать отъезд в Москву. Так, например, поступил известный белорусский прозаик, литературовед и критик Алесь Адамович.

Алесь (Александр Михайлович) родился в деревне Конюхи Копыльского района в 1927 году, но все детство и юность провел в поселке Глуша Бобруйского района.

Я бывал в 90-х годах в Глуше неоднократно. По сути, это большая деревня на старой дороге Москва—Варшава. Над дорогой и над деревней нависают корпуса и трубы полуживого стеклозавода, бывшего когда-то ударной стройкой первых пятилеток. Здесь Адамович учился в школе, здесь встретил войну, участвовал в антифашистском подполье, отсюда ушел в партизаны, долгим кружным путем вернулся, потом поступил в БГУ.

Однако надо сказать, что, в отличие от белорусскоязычной в первой половине XX века деревни, города и местечки тогдашней Беларуси были в значительной мере русско- или польскоязычными. Поначалу и Адамович, как не деревенский житель, по-русски, наверное, писал побольше, чем по-белорусски. В целом он, как писатель, оставил впечатляющее наследство: романы «Война под крышами», «Сыновья уходят в бой», «Каратели», несколько повестей, рассказы, сценарии фильмов, написанные в соавторстве книги «Я из огненной деревни», «Блокадная книга».

Как писатель Адамович прежде всего лирик и романтик, и не будь в его судьбе войны, он писал бы, наверное, о бригадинцах, которые отходят от причалов. Болезненный опыт войны перевернул сознание юноши, привел Адамовича-писателя в ряды авторов, пишущих так называемую «окопную прозу», а Адамовича-человека сделал непримиримым и даже воинствующим пацифистом.

Парадоксальное словосочетание «воинствующий пацифист», наверное, лучше всего подходит для характеристики зрелого Адамовича как человека. Стремление яростно проповедовать милосердие привело нашего героя сначала в ряды тех, кого с началом перестройки стали называть демократами, а в последующем — либералами.

Умер доктор филологии, лауреат Государственной премии БССР, кавалер орденов Адамович в 1994 году, после инфаркта, последовавшего за эмоциональным выступлением в Верховном суде РФ. Причем в минском посмертном издании избранной прозы Адамовича (2012 год) говорится, что он выступал с речью в поддержку Международного литфонда, а белорусский автор Валерий Гришковец, о котором здесь мы еще поговорим, утверждает, что Александр Михайлович просто отстаивал интересы некоей определенной группы литераторов против остальных. Кому верить — как всегда в последнее время, решать самим читателям.

Поэт Игорь Шкляревский моложе Адамовича на 11 лет, но творческая судьба его чем-то похожа на судьбу названного выше прозаика. Родился Шкляревский в Славгороде, в семье учителей, то есть провинциальных интеллигентов, подобных родителям Адамовича. Еще в молодости начал писать и печататься в Минске на русском языке. Затем переехал в Москву, но не затерялся и в столице.

Автор, по-видимому, наиболее адекватного перевода «Слова о полку Игореве» на современный русский язык (более поздних переводов — Е. Евтушенко и Ю. Разумовского я не читал). Безусловный лирик. Лирика природы у Шкляревского некоторыми местами сопоставима с образцами Тютчева, Фета, Бунина. Однако у Шкляревского были и моменты воспевания породы, аристократии, короче, того, чем так увлекалось наше общество в начале 90-х годов прошлого века.

Но еще раньше, в октябре 1984 года, Игорь Шкляревский выступил с вполне гражданской поэмой «Слово о мире» в журнале «Юность», после публикации которой редакция получила сотни восторженных откликов от читателей. То есть представлять поэта исключительно воспевателем природы, оторванным от социальной жизни, как это делается в некоторых комментариях литературоведов, я бы не стал.

Лауреат Государственной премии СССР, кавалер орденов Игорь Шкляревский — наш современник, недавно отметивший свое 80-летие.

Владимир Некляев и Светлана Алексиевич почти ровесники. Некляев родился в 1946 году, а Алексиевич — в 1948. Обоих тоже можно отнести к категории «отъехавших», правда, не в Россию, а на Запад. Некляев, скажем так, западник, он родился в городке Сморгонь, Алексиевич родилась на Западной Украине, но затем семья переехала в БССР.

Владимир Некляев изначально, похоже, не собирался становиться писателем. Только к тридцати годам он начал публиковаться на русском языке в республиканской молодежной газете «Знамя юности». Затем, написав поэму о строителях БАМа, стал лауреатом премии Ленинского комсомола, неоднократно печатался в Москве. Я, к примеру, нашел его стихи в журнале «Юность» за июнь 1983 года. В конце «перестройки» Некляев сам стал издателем, выпускал и редактировал русско- и белорусскоязычный журнал «Родник/Крыница», а несколько позже вошел в руководство белорусского Союза писателей.

Надо сказать, что тогдашний Союз писателей был очень политизированной организацией, весьма критично настроенной по отношению к власти. Поэтому Некляеву, выразившему настроения и интересы своих коллег по Союзу, вскоре пришлось

эмигрировать (при этом А. Новиков, к примеру, пишет, что Некляев эмигрировал, чтобы спастись от ревизии его финансовой деятельности, а не от политических преследований — см. А. Новиков, «Неизбежный поворот», Мн., 2012, стр. 44; впрочем, одно у нас другому не мешает). Поэт жил в Польше, Финляндии, Швеции. Написал там несколько повестей, рассказов, множество стихов, теперь уже исключительно на белорусском языке. В целом произведения этого периода мрачны и даже чернушны, что, возможно, соответствует требованиям нового социального заказа для поэта. Я бы специально обратил внимание читателей на рассказ «Хайбах», поскольку он не просто мрачен, а еще и страдает налетом провокационности.

Хочу выделить еще один момент. В журнале «Юность» №6/1983 среди нескольких опубликованных стихотворений Некляева одно называлось «Партизанский суд». В нем говорилось о ночном расстреле какого-то предателя времен оккупации Белоруссии немцами. Спустя тридцать лет автор переделал стихотворение, придав ему мистический смысл и придумал новое название — «Волколак». Здесь, как видно, тоже не обошлось без исполнения социального заказа (стихотворение можно прочесть в книге «Выбранные творы», Мн., 2010).

В 2010 году поэт Некляев вернулся в Республику Беларусь для того, чтобы быть выдвинутым кандидатом в президенты. В этом же году в Москве издана его книга «Окно» на русском языке.

На выборах поэт получил то ли 1,7, то ли 1,8 процента голосов, после чего постепенно отдалился от политической деятельности, снова вернувшись в литературу.

Путь Светланы Алексиевич к писательству более прямой. Она окончила журфак БГУ, работала в разных изданиях тогдашней БССР. Стать писателем Светлане помог Алесь Адамович. В 1983 году у Алексиевич вышла первая книга «У войны не женское лицо». В этом же году по рекомендации Адамовича она стала членом СП Белоруссии. Немного позже писательнице была вручена премия Ленинского комсомола за первую книгу.

В дальнейшем у Алексиевич вышли еще пять книг, написанных в том же ключе. Это сборники интервью. Сама писательница после «перестройки» много лет прожила за границей. В Европе ее книги выходили большими тиражами, намного большими, чем на родине. Теперь, то есть после получения Нобелевской премии, Светлана Алексиевич вернулась в Минск.

Тексты интервью в перестроечных и постперестроечных книгах Алексиевич обработаны и выстроены в определенном порядке. Сначала идут такие истории, с которыми любой постсоветский читатель согласится в целом или полностью. А ближе к концу появляются словесные «крючки», могущие вызвать неприятие большинства публики, если бы они были напечатаны сами по себе, без предыдущих доверительных рассказов. Но вместе все проходит. Алексиевич, пожалуй, сейчас самый известный современный писатель Белоруссии.

Следующая пара «отъезжавших» или «отъехавших» белорусских авторов родилась в Полесье, Алесь Кожедуб в Ганцевичах в 1952 году, Валерий Гришковец — в Пинске в 1953. Оба окончили Высшие литературные курсы в Москве, при этом у Кожедуба уже был диплом филолога БГУ. Оба много публиковались в российских и в белорусских изданиях, имеют литературные премии. Прозаик Кожедуб в целом успешно поднимался по карьерной лестнице, став, в конце концов, главным редактором издательства «Советский писатель». Гришковец чаще подвизался на разных работах, не связанных с литературой.

С творчеством Кожедуба я знаком по раннему рассказу «Ошибка» из журнала «Юность» № 6/1985 и по большому роману «Мерцание золота», написанному в мемуарном ключе и опубликованному в нескольких номерах минского журнала «Неман» за 2019 год.

Сравнив ранний рассказ с поздним романом, можно сказать, что художественная

отточенность не является коньком Кожедуба-прозаика, и за почти 35 лет, прошедшие между публикациями рассказа и романа в смысле стиля у этого писателя ничего не изменилось. На мой вкус оба произведения несколько рыхловаты. Но также надо отметить, что видимой особенностью творческого метода Кожедуба является использование иронии. В рассказе ирония приглушенная, в романе—разительная.

Однако и в одном, и в другом случае А. Кожедуб просто описывает то, что сам видел или слышал.

Прозаик и поэт Валерий Гришковец, с чьим творчеством я знаком по книге «Я из тех», изданной в Минске в 2012 году, в своих стихах и рассказах также говорит о том, что сам видел и слышал. От А. Кожедуба Гришковец отличается пристрастным отношением к тому, о чем пишет, в своих произведениях он негодует, печалится, радуется. Отдельные стихи Валерия Гришкова стилистически правильны и красивы, но в целом некоторая недоговоренность при обилии слов присуща и этому автору.

И А. Кожедуб, и В. Гришковец занимают видное место в Союзе писателей России, и в Союзе писателей Беларуси, в которых оба автора состоят. При этом Валерий Гришковец вернулся из России в родной Пинск, Алесь Кожедуб остался москвичом.

2

Чтобы рассмотреть вторую тенденцию, определяющую творчество русских и русскоязычных писателей в нашей стране, вернемся в конец 1980-х годов. Я здесь уже говорил, что тогдашний Союз писателей Беларуси, потом переименованный в Союз белорусских писателей, увлекся политикой, как впрочем, и другие творческие союзы, и не только в нашей республике. Не секрет, что основное направление политической мысли тогдашней творческой интеллигенции было националистическим и антирусским. В силу этого для русских и русскоязычных писателей и поэтов появились дополнительные трудности в публикации своих творений, для них в целом закрылись двери в Союз писателей. Поэтому произошло то, что и должно было рано или поздно произойти: появившееся в 1989 году творческое объединение «Полоцкая ветвь» в 1994-ом было реформатировано как Литературный союз. Основателями нового союза стали полоцкие поэты Александр Раткевич и Олег Зайцев. В начале существования союзом руководил А. Раткевич, сейчас уже несколько лет председателем является О. Зайцев.

Александр Раткевич родился в 1954 году в Ивангороде Ленинградской области. В 1965 году семья будущего поэта переехала в Полоцк. Александр окончил филфак БГУ. Стихи Раткевича печатались в разных изданиях с 1972 года. Разработал и декларировал художественное направление «Катарсизм». Автор девяти сборников. Пишет также прозу и публицистику.

Поскольку я сам уже пятнадцать лет состою в «Полоцкой ветви», то могу сказать, что неплохо знаю творчество Раткевича-поэта. Здесь мы рассмотрим два авторских сборника: «Тайна ходьбы», Мн., 2012, и «В сентябрьском круге», Мн., 2009.

Более ранний сборник, на мой взгляд, и более поэтичен. Видимо, сам сентябрь склонил автора к лирике, к неспешным размышлениям. Здесь можно найти и очень неплохие строфы. В целом же мир поэта довольно эклектичен. Заметно сильное влияние поэзии серебряного века. Но автора также увлекает и славянская архаика. Есть элементы того, что в 20—30-е годы прошлого столетия называлось «есенинщиной». Переплетение будничной рутины, современных вскриков, картин природы, славянофильства, да плюс неровный ритм, употребление возвышенной лексики, тяга к словоточеству... Все вместе, по-видимому, и есть катарсизм Александра Раткевича.

Чтобы слушателям или читателям не показалось, что я имею какой-то зуб против катарсизма, скажу, что само направление не вызывает у меня никакой негативной реакции, а люди, способные в нынешней несколько унылой действительности разра-

батьвать некие направления в искусстве, даже любопытны. Скажу только, что лозунги и манифесты сами по себе — пустые воздушные шарики, их обязательно нужно наполнять смыслами, текстами, контентом.

Олег Зайцев родился в 1968 году в Новополоцке, окончил факультет журналистики БГУ, работал в редакциях газет, сейчас сам является издателем и редактором. Живет в Минске. Издано несколько сборников стихов О. Зайцева, он же является соавтором коллективных книг прозы.

Писатель Зайцев постепенно прогрессирует от 90-х годов до настоящего времени как в техническом плане, так и по части художественных образов. Кроме того, особенностью творчества Олега Зайцева, на мой взгляд, является то, что в нем заметна густая публицистичность, даже в самой интимной лирике.

Прозаик Федор Коньшев состоял в союзе «Полоцкая ветвь» с момента его основания. Он родился в 1932 году в деревне Котельно Полоцкого района. Во время Великой Отечественной войны был в партизанском отряде, затем — сыном полка. Окончил Литературный институт в Москве. Член Союза журналистов СССР. Заслуженный работник культуры БССР. Автор многих рассказов, повести «Тополя на курганах», романа «Ход конем» Федор Коньшев был и остается после его смерти, первым лицом среди прозаиков «Полоцкой ветви». Его произведения являют собой пример хорошо сбалансированных текстов как в художественном, так и в чисто «техническом» смысле, а также в подборе фактического материала, в знании истории.

Прозаик и поэт Василий Миронов родился в 1958 году в городе Нижний Тагил. Много лет живет в городе Бобруйске. Является членом нескольких литературных союзов. В «Полоцкой ветви» занимает должность секретаря секции прозы. Книги Миронова издавались в Республике Беларусь, в России, в Израиле. Как прозаик В. Миронов больше склонен к бытописательству. Сравнивая ранние и более поздние публикации этого автора, особенно прозаические, можно заметить прогресс как в смысле идей, так и по части формотворчества.

Романист из «Полоцкой ветви» Валерий Туловский родился в 1965 году в городе Молодечно, где проживает и по сей день. Автор пяти книг прозы. Творчество его начиналось в качестве литературного негра по написанию дамских романов. К сожалению, это самое «негритянство» наложило свой, на мой взгляд, негативный отпечаток на работу автора. В. Туловский пытается, как я вижу, выйти из-под давления литературных штампов и банальностей, обильно усеявших дамские романы, но это ему не всегда удается.

Поэт Василий Мельников родился в 1959 году в Минске. Окончил институт народного хозяйства. Имеет два сборника стихов. В «Полоцкой ветви» с 2014 года. В. Мельников идет в своем творчестве по стопам Бродского и Мандельштама, обволакивая обыденность на европейский манер в одежды красивых метафор.

Вообще же я соглашусь с профессором Вадимом Салеевым в том, что «Полоцкая ветвь» прежде всего сильна своими поэтами.

3

Третьей тенденцией, характерной для сообщества русских и русскоязычных писателей Беларуси можно назвать переход в организованный не без помощи так называемого «административного ресурса» Союз писателей Беларуси. Современный Союз писателей Беларуси сложился, во-первых, в результате административного давления на Союз белорусских писателей, а во-вторых, из-за разногласий внутри самого этого союза. Из уст Олега Зайцева уже прозвучало, что русскоязычные члены СБП в 90-е годы прошлого века отнюдь не чувствовали себя комфортно в среде своих белорусскоязычных коллег. Поэтому они подхватили идею расхождения, предложенную им властью. К этому ядру примкнула и часть белорусскоязычных писателей в надежде

де на то, что вместе с новым-старым союзом, поддерживаемым административно, вернется и прежняя сытая жизнь литераторов.

Разделение произошло в течение 2002—2006 годов. Некоторое время части бывшего единого союза тужились-пыжились в стремлении доказать, что именно они здесь самые главные в литературе. В полемике «щепки» отлетали и в сторону «Полоцкой ветви». Сейчас, похоже, борьба поутихла или, по крайней мере, утихает.

Рассмотрим поближе творчество некоторых русскоязычных авторов из СПб.

Анатолий Аврутин родился в 1948 году в Минске, где и живет по сей день. В 1973 году окончил истфак БГУ. Печатался с 1973 года. В России поэт Аврутин известен, наверное, больше, чем в Беларуси, поскольку много публикуется от Калининграда до Ростова. Во всяком случае, я не раз и не два слышал от наших российских гостей прошлых фестивалей «Славянская лира» вопрос: а как вы относитесь к Аврутину? В нашей республике поэт Аврутин широко известен только в узком кругу литераторов. Во всяком случае, в трех осиповичских городских библиотеках есть только один сборник его стихов — «...От мира сего», Мн., 1991. Это поэт сложившийся и профессиональный. Если Шкляревского можно назвать Фетом второй половины XX — начала XXI века, то Аврутин — заместитель Шкляревского в этом качестве по Беларуси. Ну, или младший брат. Кроме того, он человек, что называется, тароватый, имеет организационную жилку, является издателем собственного журнала.

Однако в своем союзе писателей Аврутин является чем-то вроде боксерской груши для тамошних критиков. Думаю, это следствие того, что поэт был активным застрельщиком создания СПб, но в силу разных причин не стяжал там ответственных постов. Поскольку критиковать действующих писательских руководителей членам СПб неполиткорректно и даже опасно (мне известны последствия подобной неосмотрительности), а региональных авторов — неинтересно, то Аврутин, как автор известный, но не начальствующий, хорошо подходит в качестве мишени для критики. Надо сказать, что поэт порой и сам дает поводы для критических стрел.

В свое время я изучил статью Натальи Капы (Капитолянской), как раз и посвященную критическому разбору творчества Анатолия Аврутина (см. «Літаратура і мастацтва», 25.12.2008). Н. Капа утверждала: вот эта метафора взята из такого-то стихотворения поэта, скажем, 30-х годов, а такая-то строчка — из другого стихотворения другого поэта. Для меня, технаря по образованию, такое открытие было внове, я постарался проверить инвективы из той статьи и с некоторым даже пришлось со вздохом согласиться.

Николай Чергинец, многолетний председатель СПб, родился в 1937 году в Минске, начал взрослую жизнь в качестве футболиста минского «Динамо», окончил Высшую школу тренеров и юрфак БГУ, после чего служил в милиции, где и дослужился до звания генерал-лейтенанта. В 1984—87 годах проходил службу в Афганистане. С 1996 года трижды избирался в Совет Республики Беларусь.

Литературой занимался с 1970 года, с 1977 года член Союза писателей Белоруссии. Издано не менее 50 книг его прозы, в основном — детективы. Я знаком с творчеством Н. Чергинца по романам «Вам задание», «За секунду до выстрела», изданным одной книгой в Минске в 2008 году.

Признаюсь, брался я за чтение романов Н. Чергинца не без предубеждения. Интернет в свое время был завален негативными отзывами о творчестве этого автора. Ознакомившись с текстами, понял, что все так и не так. Как всегда неоднозначно. С одной стороны, сам нашел несколько, скажем так, некорректных моментов, которые, в целом, могли бы быть устранены при более внимательном редактировании. Вот один пример. Стр. 135. Начало нового раздела. Первое предложение. «К концу 1942 года немцы вновь захватили стратегическую инициативу» (вообще в книге говорится о некоей милицейской династии—это была мода такая в 1950—70-х годах в СССР, писать о династиях; вершиной подобного рода я считаю многотомное сочинение

«Пряслины» Ф. Абрамова). Дав кратенькое описание общего состояния дел на фрон-тах, автор переходит к тому, чем занимался в то время один из главных героев, в то время—командир взвода разведки одного из полков Красной Армии. А герой рыл землю, строил блиндаж, но делал он это летом. «Погода стояла жаркая...» — уточняет автор немного спустя. В приведенном предложении надо бы просто написать «в середине», а не «в конце», и все встанет на свои места и с точки зрения реальной истории, и исходя из логики повествования.

А так — детективы как детективы, может быть, несколько крупноватые, все-таки больше 850 страниц в книге, не шутка. Подобные вещи публиковались в СССР в издательстве ДОСААФ или в «Молодой гвардии». Не будем же мы считать произведе-ние плохим только потому, что оно похоже на те, что печатались 40 или 50 лет назад.

Замечу еще, что автор не очень концентрируется на описании времени действия. Получается, что тридцатые годы прошлого века, что шестидесятые, что эпоха царя Хаммурапи. Все равно полно разбойников, хулиганов, семейных дебоширов. Опер ты или просто сыщик—работы для тебя хватит. Ну, разве что, в конце последнего рома-на у милиционеров портативные рации появляются. Прогресс все-таки есть.

Елена Попова родилась в 1947 году на территории Польши, где проходил служ-бу ее отец. В 1950 году семья переезжает в Минск. Окончила журфак БГУ и Ли-тературный институт в Москве. Член Союза писателей СССР с 1979 года. Прозаик и драматург.

Рассмотрим творчество Е. Поповой на примере книги «Восхождение Зенты» (Мн., 2007). В ней четыре небольших романа: «Восхождение Зенты», «Большое пу-тешествие Малышки», «Седьмая ступень совершенства», «Пузырек воздуха в кипя-щем котле».

Проза Елены Поповой показалась мне несколько тяжеловесной, но в то же время весьма качественной. Читать ее нелегко, я бы не назвал перечисленные романы увлекательными. Впрочем, не увлекательны они для меня, возможно, из-за того, что это все-таки женский взгляд на жизнь. Но, тем не менее, повторю — сработано качест-венно. Особенно хочу отметить построение диалогов.

По-видимому, автор хорошо знает то, о чем пишет — о деятельности иностран-ного офиса по распределению гуманитарной помощи (примета 90-х годов в Респуб-лике Беларусь, роман «Восхождение Зенты»), о закулисе театра («Большое путеше-ствие Малышки»), о полукриминальной и откровенно криминальной подноготной купи-продаевских фирм («Седьмая ступень совершенства»), об атмосфере в «творче-ских» коллективах («Пузырек воздуха в кипящем котле»).

Заметно пристрастное отношение к героиням—женщинам: мужчина может выра-зиться грубо, но не так едко. Впрочем, героев-мужчин автор тоже не жалует. Без чер-ной краски нарисован, пожалуй, только маг-фокусник из «Седьмой ступени совер-шенства».

Героини Е. Поповой живут как бы во сне. Или у них такая близорукость, не по-зволяющая видеть сколько-нибудь отдаленные предметы. А, к примеру, про Малыш-ку, главный персонаж одного из романов, автор говорит прямо: она жила-жила, да и уснула. Во сне вышла замуж, родила дочь, развелась... Короче: проснулась, а дочь уже большая, даже и бизнесом занимается.

Отмечу и то, что Е. Попова почти не показывает течение времени, в этом ее ро-маны как-то напоминают и превосходят рассмотренные выше произведения Н. Чер-гинца. Вот, к примеру, уже упомянутая здесь Малышка в первый раз робко входит в театр, а вот у нее уже внуки. Жизнь прошла. Что изменилось в мире? Ну, разве что раньше в театре шла пьеса про доменную печь, а теперь на сцене скачет варьете. Скакали-скакали, пока театр не развалился... Все.

Мне было интересно: к какому литературному направлению можно отнести про-зу Елены Поповой? Порылся в интернете — посмотреть, что люди об этом пишут. С

удивлением обнаружил, что не очень-то представлена Е. Попова в Сети. Вроде бы и идеи есть, и известность, и рука набита...

Итак, что я нашел: сама писательница в одном из интервью назвала себя символом. Еще в двух комментариях были даны определения «магический реализм» и «европейский мистический роман». Про символизм — пока не решил. Думаю, возможно, и соглашусь. С остальным — нет. «Магический реализм» — это там, далеко, у Маркеса. От Маркеса до Поповой столько же, сколько от латиноамериканской горячности до белорусской «млявасці».

Вся же наша постсоветская «европейскость» уже просто утомляет своим запахом и привкусом икры «заморской баклажанной». Думаю, что предшественником Е. Поповой следует назвать все-таки не Маркеса, а В. Маканина, который в своих произведениях вывел целую шеренгу вялых «недотыкомков», у которых каша изо рта вываливается. Из наших современников похоже, хотя и более злобно, писал Пелевин.

Юрий Горбачев (Юрась Нераток, Юрий Юлов) родился в 1961 году, в Мостовском районе Гродненской области, в семье учителей. Детство провел в деревне Ходаки Ивацевичского района Брестской области. Окончил политехнический институт, живет в Минске, работает инженером. Поэт, прозаик, публицист. Увлекается музыкой. Член СПБ и Российского союза писателей. Пишет на русском и на белорусском языках.

Вообще говоря, в работе инженера категорически неприемлемо разгильдяйство. А поэтическое творчество чурается педантизма. Как Ю. Горбачеву удается сочетать в себе столь разнонаправленные виды деятельности — бог весть. Тем не менее, у поэта Нератка стихи получаются вполне достойные. Отмечу как редкость в современной литературной среде вообще — Юлов-Нераток может быть очень приличным сатириком.

Автор любезно предоставил мне на рассмотрение свой роман «Комбатанты» впервые изданный в 2012 году. Читал я его, наткнулся на фразу о том, что в болоте возле какой-то выдуманной писателем, но явно западнобелорусской деревни во время Великой Отечественной войны утонули два немецких танка — и тогда все понял. Понял, что это очередная юловская хохма.

Итак, построение романа по Ю. Юлову. Берется некий анекдот, в три слоя обворачивается тщательно выписанными характерами героев, подробностями быта послевоенной деревни, повторяю — из Западной Белоруссии, мифами, опять же, чисто «западнскими», да еще зачем-то прищипливается Вильям наш Шекспир, добавляется всякая ботва типа переноса во времени — и вот на тебе, читатель, ешь, не подавись.

Прочитав, начинаешь думать: а зачем? Какова была цель автора, старательно настукавшего столь много букв? Зачем писатель парился, до миллиметра выстраивая лексику героев так, чтобы и не уйти от исторической достоверности, и быть понятным для современного читателя, как правило — горожанина? Более того, насколько я понял, книгой предлагается потчевать и российскую публику — зачем это ей? Может, автору кажется, что российскому читателю как раз не хватает западнских мифов? Или Ю. Юлов пытается убедить всех, что история — это тоже дышло, как повернул — так и вышло?

Несколько лет назад я уже пытался в частной беседе убедить Ю. Горбачева не тратить время и талант на производство многостраничных приколов, не стрелять из пушки по воробьям. Вижу, что у меня это не получилось.

А я знаю, что, например, домашние кошки, если хозяин долго не обращает на них внимание, начинают всячески хулиганить. Дети в тех же обстоятельствах поступают так же. Вызывающе ведут себя и девицы, обиженные невниманием предмета их воздыханий. Да вот еще футуристы столетней давности устраивали «великие кошунства» для привлечения публики, о чем нам поведал А. Толстой в своем большом романе. Возможно, в этот ряд следует поставить и Нератка-Юлова.

А в России, думаю, и своих мифотворцев с избытком.

Четвертая тенденция такова: не уезжать, не входить ни в какой литературный союз, но напрямую сотрудничать с российскими издателями. Не секрет, что, во-первых, подобного рода деятельность стала возможной на просторах Синеокой Республики только с двухтысячных годов. А во-вторых, она требует особой осмотрительности и политкорректности с учетом как «своих», так и российских реалий. Поэтому, в свете сказанного, литератор, идущий по четвертому пути, должен реализовывать свои амбиции в жанре детской литературы. Ну, или писать дамские романы. Дети — везде дети, дамы — везде дамы, поэтому именно в этих жанрах минимум риска задеть трепетную и ранимую душу сильных мира сего с одной стороны, а с другой — не сплеховать по части тиражей.

Андрей Жвалевский родился в 1967 году в городе Гродно. Окончил физфак БГУ. В литературе с 2002 года. Совместно с И. Мытько и Е. Пастернак написал около 20 книг. Является также сериальным сценаристом. Живет в Минске.

Евгения Пастернак родилась в 1972 году в Минске, где проживает и по сей день. Окончила физфак БГУ. Автор нескольких книг «для дам». Соавтор Андрея Жвалевского. Рассмотрим небольшую повесть А. Жвалевского и Е. Пастернак «Гимназия № 13», Мн., 2011.

Вообще-то данная гимназия находится все-таки в Минске. А значит, авторский расчет делался и на белорусскую аудиторию. В целом книга неплохая. Язык понятен для детей, скажем так, с небольшими умственными способностями, есть момент незаудовольного просвещения по части древней мифологии, а заодно и экологии. Некая шепотка мистики текста не испортила. Дети в книге уже не совсем дети, у них уже есть отношения, что тоже правильно. Но: Гайдар писал лучше, Кассиль писал лучше, Грин писал лучше, А. Толстой, Крапивин, Носов, Михалков и т. д. тоже писали лучше.

Почему? Что, давление среды на тех писателей было меньше? Не в этом дело. В той стране действительно происходили очень резкие и кардинальные изменения, революция была именно революцией, победа — победой, а модернизация — модернизацией, а не имитацией. Кипение великих строек распространялось, скажем так, на всю кастрюлю, и на литературу — в том числе.

Больше всего рассмотренная повесть похожа на произведения Кира Булычева, но, скажем, не на самые лучшие (посреди равнины детской фантастики Булычева есть парочка действительно могучих утесов).

5

Последняя, пятая тенденция заключается в том, что не надо никуда ехать, никуда вступать, биться за признание, и т. д. Надо просто пописывать стихи в стол и надеяться на лучшие времена.

Вениамин Блаженный родился в 1921 году в городе Копысь Оршанского уезда. В 1941 году успел окончить 1 курс Витебского пединститута. Во время Великой Отечественной войны был в эвакуации, поскольку имел третью группу инвалидности по какому-то психиатрическому диагнозу. После войны переехал в Минск. Во время войны работал школьным учителем, после войны — в организации по трудоустройству инвалидов. Писал стихи с 1943 года, первая публикация состоялась в 1982 году, первая книга в 1990, уже перед смертью, последовавшей в 1999, был принят в союз белорусских писателей. Подчеркну: и первая книга поэта была издана в Москве, и первая литературоведческая статья по творчеству В. Блаженного тоже была напечатана в московском издании (В. Аверьянов. Житие Вениамина Блаженного. // Вопросы литературы. Вып. 6/1994). Насколько я слышал, теперь стихи В. Блаженного введены в Белоруссии в школьный курс русской литературы.

Для знакомства с творчеством В. Блаженного я пользовался интернет-публикациями. Там же нашел и части автобиографии, показывающие, что автор, может, и своеобразный, но весьма неглупый человек.

Пастернак, к которому Блаженный приезжал, нашел у минского автора, по его словам, 3—4 хороших стихотворения.

Да, действительно, не все стихи Блаженного одинаково правильны с точки зрения ритма и рифм. Исследователи творчества поэта пишут, что некоторые шероховатости подчеркивают страстность автора. Спорить не буду. Сам поэт не отрицал присутствующих ему страстей, называл себя «Рогожиным слова», и сравнивал свои стихотворения с поэзией Цветаевой и Мандельштама, людьми весьма пристрастными, как в жизни, так и в творчестве.

Главные и единственные направления поэзии В. Блаженного — религиозная лирика и лирика чувств. В одной из литературоведческих статей, посвященных В. Блаженному, я нашел определение «мистическая лирика», с чем не согласен. Поэт чем-то похож, по-моему, на маленькую героиню Грина, которая утром говорила: «Здравствуй, Бог!», а вечером: «Спокойной ночи, Бог!». Мистики здесь нет, есть свой мир со своей, пусть и несколько детской, системой координат.

Пришло время подводить итог. Итак, если некий человек, живущий в Белоруссии и считающий себя писателем, захочет как-то легализоваться на этом поприще и писать при этом на русском языке, то он может пойти по следующим направлениям: ехать в Россию, желательно — в Москву, вступать в существующие литературные союзы, публиковаться в интернете, а затем заключать соглашения с российскими издательствами, или просто ждать, надеяться и верить, что его и так отыщут. В любом случае желаю всем успехов.